

кое божество в монгольской мифологии Этуген / якутское Утугун (эквиваленты Умай) служат воплощением женского органа плодородия и плодородия матери земли, рождающей преисподней. Аналогично птица Хумай, приносящая счастье, обладает хтонической ипостасью, переданной в пищевом коде. Сложная природа Сэнмурва, "космического существа" древнеиранской мифологии, также подразумевает этот дуализм: Сэнмурв и Шаскудж. По Хеннингу (1947), ср. армянское Paskuc, переводится как перс. Нчмаї "мифическая птица", и как "гриф" и обозначает птицу, главным отличительным признаком которой является поедание костей. Также существовало два Симурга: благой Симург - царь птиц, охранник Рустама, и демонический - Симург Ахримана, которого убил Исфендиар.

Очевидно, выявляемые свидетельства слитности, неразделенности полюсов "рождение-смерть", одинаково имеющих отношение к Умай, отражают древнейший пласт представлений о смерти. Наиболее имплицитно этот пласт отражен в иранской мифологической традиции наряду с текстами также и в изобразительном искусстве. Это сцены терзания скифо-сакского звериного стиля, выражающие идею смены жизненных циклов, космологию: синкретические образы, сочетающие черты зверей и птиц, - грифоны, крылатые собаки, сэнмурвы. Сюжет терзания грифоном водоплавающей птицы на ритуальном среднеазиатском сосуде интерпретируется как отражение космогонического мифа. Связь фантастической птицы, имеющей звериные черты, с женским божеством плодородия, возможно, проявляется в сюжете вознесения женщины птицей.

Видимо, в тюркской среде эти сюжеты трансформировались, в результате чего образ птицы Хумай проявился в виде собако-птицы Кумай, приносящей счастье, связанной с женским началом и смертью. В эпоху древних тюрков, очевидно, генерализировался образ женского божества - Умай.

Таким образом, комплекс тюркских представлений об Умай может быть результатом трансформации древнего иранского архетипа. Приведенные данные, как представляется, демонстрируют значимость иранского наследия в духовной культуре тюркских народов.

Д. Н. Ермоленко

МАНИХЕЙСТВО И СКУЛЬПТУРА УИГУРСКОГО ПЕРИОДА ТУВЫ

Особую группу скульптуры средневековых кочевников евразийских степей составляют изваяния уйгурского периода Тувы (VII-IX вв.): поясные изображения мужчин с сосудом в обеих руках. У фигур бывают

показаны головной убор или прическа, пояс с многочисленными привесками. Наблюдается определенное сходство тувинских изваяний с изображениями древних уйгуров; в частности, подобные пояса со множеством подвесок были принадлежностью костюма уйгурского князя с китайского рисунка и уйгурского духовного лица на фреске из Турфана. Изваяния, главным образом, сосредоточены в тех же районах Тувы, где обнаружены уйгурские городища, что может также свидетельствовать об их связи с культурой уйгуров.

В наборе реалий, канонической позе тувинских изваяний уйгурского периода можно усмотреть отречение от идеала героя-воина, воплощенного в тюркских изваяниях с оружием. Символ воина - оружие - изображается на тувинских изваяниях в исключительных случаях. Симметрия позы также создает впечатление умиротворенности, внутреннего сосредоточения. Обращает на себя внимание отсутствие деталей одежды, украшений у наиболее реалистично выполненных изваяний с тщательно проработанными поясом, головным убором или прической. Допустимо предположить, что эти особенности иконографии могли быть обусловлены влиянием какой-то религиозной доктрины, а не традиционным мировоззрением кочевников, переживающих период военной активности.

Показательна в этом плане характеристика уйгуров накануне гибели их каганата, содержащаяся в китайском источнике: "Уйгуры сами называют себя любимцами неба, принимают личину гуманности и справедливости (разр. моя - Л. Б.) и бесчинствуют жестоко, зверски обращаются со всеми (нашими) вассальными племенами" (Супруненко, 1963). Под "личиною справедливости и гуманности" здесь, по-видимому, подразумеваются манихейские воззрения уйгуров, исповедовавших эту религию с 763 года.

Миссионеры манихейства отводили немалую роль в проповеди учения Мани изобразительному искусству (в частности, живописи). "Священные изображения" имелись у уйгуров. Синь-Таншу сообщает, что после разгрома Уйгурского каганата священные изображения и манихейские книги были сожжены в Китае. Возможно, в тувинских изваяниях представлена попытка приспособить кочевническую изобразительную деятельность к манихейскому культу.

Идеи манихейства, на наш взгляд, нашли отражение в следующих чертах иконографии тувинской скульптуры:

- Наличие сосуда в обеих руках. В соответствии с манихейским учением транспортировка души умершего на небо совершалась при наличии сосуда или даже при посредстве его.

- Отсутствие оружия. Манихейство осуждало кровопролитие, ибо

в соответствии с его учением о переселении душ "душа убийцы переселяется в душу человека, которому суждено быть убитым" (Кац, 1955).

— Отсутствие одежды, украшений. Манихейство проповедывало аскетизм. Манихеи, особенно избранные, не должны были носить украшений. На изваяниях лишь в редких случаях прорисованы браслеты. Отсутствие одежды может быть объяснено стремлением передать белое одеяние манихейских праведников (Беленицкий, 1954).

Образ, соответствовавший концепции манихейства, не был чужд и традиционному мировоззрению, так как сосуд мог трактоваться в качестве символа акта жертвенного возлияния, а отсутствие оружия компенсировалось изображением пояса.

Строгое соблюдение заповедей манихейства и предписанных им ритуалов было обязательно только для избранных. Слушатели, обеспечивавшие существование избранных, были не в состоянии вести праведную жизнь уж хотя бы потому, что сам труд, в процессе которого причинялись страдания земле, "живым и телесным существам", растениям, объявлялся манихейством недостойным занятием. Вынужденное грешное существование слушатели искупали чтением покаянной молитвы Хуасту-анифт. Тем самым разрешалось противоречие между аскетизмом доктрины и греховностью жизни основной массы приверженцев манихейства. Такое учение вполне могло уживаться в Уйгурском каганате с агрессивной политикой.

Таким образом, иконография изваяний уйгурского периода Тувы может быть трактована в свете манихейских представлений. Не исключено, что изваяния устанавливались уйгурами, основавшимися на территории Тувы после ее завоевания. Изобразительная традиция, сформировавшаяся под непосредственным влиянием идеологии манихейства, по всей видимости, продолжалась в кипчакско-половецкой скульптуре.

В. В. Реммлер

ДОСЬ И ОЛЕНЬ В ВЕРОВАНИЯХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Центральное место во многих этнографических исследованиях занимает выявление этнической и региональной специфики культуры этносов и их отдельных групп. Проблема эта тесно связана с типологией и картографированием явлений культуры. Однако приходится констатировать ярко выраженную неравномерность в выявлении этнической специфики различных сфер материальной и духовной культуры; существуют области, где проблема этнической и региональной специфи-